

Николай Колесников

**«Путь
Водного
Дракона.
Хроники
Нефритовой
Империи»**

Николай Колесников

**Путь водного дракона.
Хроники нефритовой империи**

«Издательские решения»

Колесников Н.

Путь водного дракона. Хроники нефритовой империи /
Н. Колесников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-691338-7

Когда Император крадёт силу древнего божества, Великий Круг жизни и смерти трескается, реки ци мелеют, а духи уходят в тень. Ученик горного монастыря, выросший на пепле забытой резни, узнаёт, что его судьба вписана в план легендарного Стратега. На пути к столице, выжженным храмам и Небесному Двору ему предстоит решить: восстановить равновесие между людьми и богами или узурпировать власть над духовным миром, создав новую, мистическую тиранию.

ISBN 978-5-00-691338-7

© Колесников Н.
© Издательские решения

Путь водного дракона. Хроники нефритовой империи

Николай Колесников

© Николай Колесников, 2026

ISBN 978-5-0069-1338-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Никто уже не помнил, с чего началась война Неба и Земли – лишь то, что мир когда-то был целым.

Говорили, что в те времена дыхание мира текло свободно: ци наполняла реки, горы и людские сердца, а духи ходили меж людей, не скрывая ликов.

Легенда о расколе

Когда-то над всеми землями правил Первый Нефритовый Император, которому Небо доверило баланс между живыми и мёртвыми, плотью и тенью.

Император сидел на троне драконьей кости и слушал советы духов рек, ветров и предков, но однажды возжелал не служить равновесию, а владеть им.

Он приказал жрецам воздвигнуть Великую Небесную Машину – ритуал, который должен был связать силы Неба и Земли в одном сердце.

Ритуал удался лишь наполовину: часть силы подчинилась человеку, но швы мира треснули, и Небо отпрянуло, оставив землю среди обломков собственных чудес.

С тех пор духи разделились: одни клялись защищать людей от нарастающего хаоса, другие озлобились и стали пожирать ци живых, чтобы залатать свои раны.

Люди же, оставшись без прямого покровительства Неба, начали искать собственные пути к силе – кто через меч, кто через тайные заклания, кто через кровь.

Ци, духи и тело

Старые мудрецы говорили: «Небо дышит через нас».

Этим дыханием называли ци – тонкую жизненную силу, что течёт по невидимым потокам в теле, подобно рекам в земле.

Ци могла исцелять, закалять кости, заострять чувства и накладывать печати на сам воздух, если человек умел слушать и направлять её.

Но после раскола мир стал жадным: каждое неверное слово, каждый жестокий выбор оставляли шрамы на потоках ци, и духи чувствовали их, как раны в тканях мира.

Духи теперь редко являлись открыто; чаще их можно было ощутить как тень в дыме благовоний, шорох в камышах у реки или холодок в пустом зале храма.

Одни искали договоров, предлагая силу в обмен на обеты и табу, другие подталкивали людей к безумию, чтобы питаться искажённой энергией их страха и гнева.

Школы боевых искусств

Когда небесные узоры распались, люди поняли: выживет тот, кто научится управлять собственным телом так же точно, как жрецы – звёздами.

Так родились школы боевых искусств, где удары и стойки стали молитвой, а дыхательные практики – тихой беседой с ци.

Каждая школа искала свой путь.

Одни учили бить быстро, как летний ливень, другие – тяжело и неотвратно, как осенний обвал гор; третьи вплетали в движения шёпот заклинаний и зов духов-покровителей.

Для простого воина стиль был ремеслом, но для мастера – дорогой судьбы: изменить стойку значило изменить характер, дыхание и даже путь души.

Потому великие мастера редко меняли школу: говорили, что тот, кто часто роняет свой стиль, однажды уронит и собственное имя.

Культ «Лотосов»

На обломках древних жреческих орденов возникла тень, называющая себя Культом Лотоса.

Они отвергли старые клятвы служения балансу и поклялись служить лишь силе – не важно, небесной или земной, живой или мёртвой.

Лотосы считали, что мир слишком слаб, чтобы сам распоряжаться своей ци: её нужно изымать, очищать и направлять через избранных, словно воду через каменные русла.

Их монастыри напоминали крепости, а храмы – лаборатории, где ци измеряли, дробили, вплавляли в сталь и глину, создавая бездушных стражей и живые печати.

Народу рассказывали, что Лотосы охраняют Империю от духов и мятежников.

Но те, кто видел их работу вблизи, шептали: «Они охраняют не нас от духов, а духов – от нас, чтобы только они могли говорить с небесами от имени живых».

Война, которая не кончилась

Старцы у очагов говорили детям: «Война Неба и Земли давно закончилась».

Но те, кто умел слушать воду и ветер, знали: война просто изменила лица – вместо армий богов сражаются люди, духи и их ученики, а полем битвы стала каждая улица, каждый храм, каждое сердце.

Нефритовая Империя стоит на тонком лезвии между двумя безднами: хаосом духов и холодным порядком Лотоса.

И пока ци ещё течёт по жилам мира, есть шанс, что найдётся тот, кто сумеет не просто взять силу, но и понять, ради чего Небо однажды доверило её людям.

Над краем Империи ночь опускалась медленно, словно сама испытывала сомнения, имеет ли право вступать на эту землю.

Деревня, прижавшаяся к склону невысокого холма, казалась случайной кучкой тёмных угольков вокруг последней искры: несколько десятков домов, кривой колодец на площади, покосившийся амбар и старая ива, чьи ветви почти касались земли.

Дальше, за последними огородами, начиналась иная страна – полоска камышей вдоль реки, редкие ивы, а затем густой лес, который днём выглядел просто старым и запущенным, а ночью становился сплошной чёрной стеной.

Старики говорили, что за этой стеной начинается царство духов, и если уйти туда без нужды, можно вернуться, но уже не совсем человеком – с глазами, в которых поселились чужие тени, или с голосом, которого не узнают родные.

Империя, о которой иногда говорили приезжие торговцы, казалась отсюда легендой.

Говорили о дорогах из отполированного камня, о городах, где ночью светят не только звёзды, но и красные фонари вдоль улиц, о храмах, где нефритовые драконы охраняют входы в сады, полные ароматов.

Все эти истории звучали как сны: слишком гладкие, слишком яркие, без грязи под ногтями и треснувших мисок, к которым здесь привыкли с детства.

Здесь, в глуши, жизнь была другой: вязкой, как болотная вода, и медленной, как шаг уставшего мулла на подъёме.

Утром женщины шли к колодцу, держа ведра так, будто те были продолжением их рук; мужчины уходили в поле или к реке; дети носились по пыльным улочкам, изображая героев старых историй, хотя большинство никогда не видело настоящего воина.

Лишь один дом выбивался из этого привычного рисунка.

Он стоял на краю деревни, ближе к холму, чуть в стороне от основной улицы.

Доски его были темнее, чем у прочих домов, будто дерево впитало в себя слишком много ночных разговоров и молчаний. Крыша, хоть и старая, не выглядела потрёпанной: ни сорванной черепицы, ни провалов.

Перед домом не валялись старые вещи, не стояли лишние вёдра – всё было так аккуратно, что даже ветер, казалось, старался не поднимать здесь пыль.

Тропинка к дверям была выметена каждый день, даже зимой, когда снег лежал жесткой коркой и каждый шаг оставлял глубокий след.

Дети быстро поняли, что по этой тропинке лучше не бегать без нужды.

Взрослые не давали прямых запретов, но, приближаясь к дому, замолкали и смотрели перед собой, не задерживая взгляда на тёмных ставнях.

Это был Дом Мастера.

Глава 1. Деревня на краю

Герой – тогда ещё мальчишка, хотя ростом догнал взрослых раньше сверстников, – стоял на краю деревенской площади и смотрел, как утренний туман медленно стекает с холмов к реке.

Туман всегда казался ему живым. В детстве он представлял, как духи, уставшие за ночь, ложатся спать на воду и траву, укрываясь белой дымкой.

Теперь он понимал, что это просто влажный воздух с реки, но привычка видеть в нём что-то большее не уходила.

Позади доносились знакомые звуки: плеск воды в ведрах у колодца, ругань тётки Лян, которая каждый день обещала выгнать своего вечно пьяного мужа, звонкий смех ребятни.

Всё это составляло ткань жизни, в которую герой был вплетён так же прочно, как и любой другой – и в то же время он всё чаще ловил себя на ощущении, что стоит чуть в стороне от собственного существования.

Он поднял руку и сделал медленное, выверенное движение ладонью, как учил Мастер: от пояса к плечу, с лёгким разворотом корпуса, словно в этом жесте должно было отразиться течение реки.

Воздух послушно скользнул вдоль предплечья.

Тело отзывалось привычным теплом в мышцах; ступни крепко держались за землю, пальцы ног чуть вцеплялись в пыль.

– Плечо выше, – раздался позади тихий голос.

Герой вздрогнул, хотя ждал этого замечания.

Мастер появился так, как всегда: не было ни скрипа двери, ни шагов по гравию, ни заполненного дверного проёма.

Просто в какой-то момент между ним и солнцем возникла тень высокого человека в тёмной одежде.

– Ты всё ещё боишься своих движений, – продолжил Мастер, не повышая голоса. – Рука идёт правильно, но ты словно извиняешься перед воздухом за то, что касаешься его.

Он подошёл ближе, коснулся локтя ученика.

Касание было лёгким, но за ним чувствовалась скрытая сила: казалось, стоит этому человеку захотеть – и он согнёт железный прут, не напрягаясь.

– Смотри на горизонт, – приказал он. – Не в землю, не в свои ноги. На линию между небом и холмами. Там – твой удар.

Герой послушался.

Холмы, выгоревшая трава, редкие деревья – мир впереди был знаком до последнего камня, и всё же, когда он глядел так, как учил Мастер, в нём появлялась иная глубина.

Словно за привычным пейзажем скрывалась ещё одна, невидимая картина, где линии полей и изгиб реки были частью какого-то большего узора.

Он повторил движение.

На этот раз рука пошла плавнее, плечо не провалилось, корпус скрутился ровно настолько, чтобы передать силу из пяток в кулак.

Герой ощутил, как из глубины живота поднимается тонкая волна тепла – не жар, а скорее мягкое, устойчивое свечение, распространившееся по груди и плечам.

Мастер молчал.

Молчание было лучшей похвалой: за годы ученик научился слышать в нём больше, чем в редких одобрительных словах.

– Ещё, – только и сказал Мастер.

И герой снова пошёл через связку: стойка, вдох, удар, выдох, разворот, шаг.

Деревенские, спешащие по утренним делам, иногда бросали взгляды в их сторону, но быстро отворачивались.

Кто-то завидовал – не силе, а самому факту, что Мастер избрал именно его учеником.

Кто-то, наоборот, с опаской шептал, что лучше бы мальчишка был обычным – так спокойнее.

Но герой давно привык к этим взглядам.

Его миром были не перешёптывания у колодца, а движения, дыхание, редкие жесты Мастера, которыми тот поправлял стойку или направление взгляда.

Глава 2. Учитель, который ничего не объясняет

Мастер жил в своём доме один.

В деревне о нём знали немного: приехал много лет назад, купил старый дом на окраине, починил крышу, обложил порог камнем и начал жить так, будто всегда тут был.

Поначалу люди думали, что он странствующий отшельник, который задержится ненадолго.

Но годы шли, Мастер оставался.

Он не вмешивался в деревенские дела, платил по счетам, помогал починить крышу или ворота, если просили, но никогда не заходил в дом дольше, чем на несколько глотков чая.

О его прошлом ходили десятки слухов.

Одни говорили, что он был когда-то придворным учителем у самого наместника, пока не попал в немилость.

Другие – что он принадлежал к великой школе боевых искусств где-то в столице, но нарушил запрет и был изгнан.

Самые старые шептали, что видели в его глазах «нечеловеческий свет», когда он думал, что на него никто не смотрит, и что таким светом иногда глядят те, кто слишком близко подходил к духам.

Герой слушал эти рассказы так же, как слушал истории о далёкой Империи, – с интересом, но с недоверием.

Настоящий Мастер был человек немногих слов, с сухими руками и спокойным шагом.

Он вставал до рассвета, делал свои упражнения, о которых ученику никогда не рассказывал, а затем звал того во двор, к тренировочной площадке, огороженной низким забором.

– Твой мир начинается здесь, – сказал он однажды, когда мальчишка, впервые переступив порог этого двора, вертел головой, пытаясь разглядывать всё сразу. – Остальное – лишь проверка того, что ты выучишь на этой площадке.

С тех пор дни героя приобрели чёткий ритм.

Утро – разминка, стойки, удары, связки.

Днём – помощь по дому, по полю, иногда – по мелким поручениям Мастера.

Вечером – повторение упражнений, дыхательные практики, иногда тихие разговоры у чайника.

Мастер учил не только бить.

Он показывал, как стоять так, чтобы вес тела уходил в землю, а не в колени; как дышать, чтобы не задыхаться на третьем десятке ударов; как слушать собственный позвоночник, когда тот чуть скрипит в непривычном положении.

Иногда он заставлял ученика просто стоять, подняв руки перед собой, пока мышцы не начинали дрожать, и лишь тогда говорил:

– Теперь ты наконец увидел, как слаб твой ум. Тело выдерживает дольше, чем мысли о том, как тебе тяжело.

Он редко объяснял, зачем то или иное упражнение.

Если герой задавал слишком много вопросов, Мастер мог ответить вопросом же:

– Ты спрашиваешь, чтобы понять или чтобы избежать работы?

Иногда, в редкие мягкие вечера, когда тренировки заканчивались чуть раньше, а небо окрашивалось в золотисто-лиловые тона, Мастер становился разговорчивее.

Он рассказывал не о себе, а о вещах, которые казались далекими и в то же время странно знакомыми.

– Есть школы, – говорил он, глядя куда-то в сторону холмов, – где учат владеть не только руками и ногами, но и дыханием мира.

– Это как? – не удержался однажды герой.

– Ты уже делал это, – ответил Мастер, не оборачиваясь. – Когда двигаешься правильно, воздух становится союзником, а поверхность под ногами перестаёт быть просто землёй.

Герой кивал, делая вид, что понимает, хотя большинство слов проходило мимо, как ветер сквозь ветви.

И всё же иногда, в особо удачные дни, он чувствовал в движении нечто похожее на то, о чём говорил учитель: лёгкое согласие мира, в котором каждый шаг приходился именно туда, где ему и следовало быть.

Но больше всего в Мастере цепляло не это.

Иногда, когда он думал, что ученик не смотрит, в его взгляде появлялась тяжесть, слишком глубокая для человека, который просто живёт на окраине забытой деревни.

В такие минуты герой чувствовал: в прошлом учителя есть что-то, что раз и навсегда изменило его, и отголоски этого «чего-то» странным образом связаны с ним самим.

Глава 3. Ребёнок из реки

Свою историю герой помнил не столько как цепочку фактов, сколько как набор чужих рассказов и обрывков снов.

О том, что он не родился в деревне, ему сказали рано – дети бывают жестоки и прямолинейны.

– Тебя река принесла, – хмыкал один из старших мальчишек, когда дело доходило до драки. – Не удивлюсь, если твоя настоящая мать – сомиха.

Ребята смеялись, герой дрался.

Чаще всего выигрывал, хотя никогда не использовал те удары, которым учил Мастер; для деревенских стычек хватало простых, грубых приёмов.

Настоящую историю он услышал позже от старухи Шань, которая помнила слишком много, чтобы её рассказы можно было считать просто сказками.

Она сидела у колодца, когда герой, вернувшись с тренировки, задержался, чтобы утолить жажду.

– Ты всё смотришь на воду так, будто ждёшь, что она тебе ответит, – заметила она, когда он, набрав воды, долго не отрывал взгляда от тёмного зеркала в глубине.

– Я просто устал, – буркнул он.

– Усталость у людей на лице, а не в глазах воды, – отрезала старуха. – Ладно, слушай, раз уж стоишь.

И она рассказала.

Той ночью, много лет назад, был шторм.

Река вздулась, как беременная коза, и ревела так, будто сама собиралась выйти из берегов и уйти странствовать по полям.

Рыбаки, вопреки здравому смыслу, всё же пошли проверять сети – не из жадности, а чтобы не потерять лодки, которые буря могла сорвать с якорей и унести.

Они нашли не только лодки.

В одном из затонов, где вода в бурю закручивалась особенно сильно, по кругу ходила маленькая, уже наполовину затопленная лодчонка.

В ней лежал свёрток – промокшая ткань, в которую был завернут младенец.

– Ты, – сказала старуха, глядя на героя так, словно пытаешься совместить его лицо с тем давно увиденным. – Кричать ты не кричал. Просто лежал и дышал, как старик, который знает, что шторм пройдёт.

Рыбаки не знали, что делать.

Река редко сама что-то приносила в деревню – обычно только забирала: лодки, скотину, иногда людей.

Принятый обычай гласил: всё, что река вернула живым, надо принимать, иначе она обидится.

Но был ещё и амулет.

На груди младенца висел кусок бледного камня, похожего на застывшую воду.

В нём было вырезано что-то вроде знака – не буква, не обычный символ.

Тонкие линии сходились и расходились, образуя узор, от которого у рыбаков закололо в зубах, будто они откусили сырую кость.

– Никто не решался снять амулет, – продолжала старуха. – Слишком уж... неладным казался.

И тогда в круг вошёл человек, который в ту пору только появился в деревне – Мастер.

Он попросил показать ему находку, подержал амулет в руках дольше, чем остальные, и, по словам рыбаков, его лицо стало на миг не просто серьёзным, а каким-то... тяжёлым.

– Он сказал только одно, – закончила Шань. – «Мальчик останется. Амулет – мой долг».

Герой слушал, не перебивая.

Эти слова были ему уже знакомы – похожую версию истории он слышал и раньше, но отрывочно, с искажениями.

Сейчас же рассказ прозвучал целиком, с деталями, которые нельзя было не заметить: странное спокойствие младенца, чувство «неладного» от амулета, фраза Мастера о долге.

В ту ночь ему приснился сон.

Он стоял в огромном зале.

Потолка не было видно – вместо него нависала серая плавная толща, похожая на воду глубокой реки.

Стены были гладкими, влажными, без трещин и украшений.

Посреди зала, опираясь на невидимую опору, висела гигантская фигура, сложенная из той же воды: черты её лица постоянно менялись, перетекая одна в другую, как отражения в зыбком зеркале.

Фигура наклонилась к нему.

Не было ни звука, ни слов, но в голове прозвучало ясное, как удар в бронзу:

«Нашёлся».

Герой проснулся с ощущением, что грудь стянули изнутри мокрым ремнём.

Сердце билось так, будто он бежал в гору; ладони были влажными, хотя в комнате стояла сухая ночная прохлада.

Он сел на постели, прислушиваясь.

Дом Мастера молчал.

Только где-то под полом, глубоко, будто в нутре самой земли, прозвучал глухой, едва различимый отзвук – как если бы кто-то тихо ударил по металлу.

Наутро он не рассказал Мастеру о сне.

И не потому, что не доверял – скорее, потому что боялся увидеть в глазах учителя узнавание.

Страх этот был новым и неприятным: до этого дня герой думал, что его тревожит только возможная смерть в драке или неудача на тренировке.

Теперь же он понял, что есть вещи страшнее: узнать о себе то, чего не хочешь знать.

С тех пор намёки на его «иное» прошлое стали множиться.

Иногда, когда Мастер показывал новую связку, тело героя откликалось слишком быстро.

Не было обычной неловкости первых попыток: движения будто всплывали из глубины мышц, как вспоминаемая мелодия.

Мастер в такие моменты внимательно наблюдал, но не комментировал, лишь чуть дольше, чем обычно, задерживал на нём взгляд.

Иногда, проходя мимо зеркальной глади воды – будь то колодец, кадка или просто лужа после дождя, – герой замечал в отражении лёгкое несоответствие.

Неуловимое, но настойчивое ощущение, что глаза у него смотрят чуточку иначе, чем он привык видеть их изнутри, что в глубине зрачков блеснёт что-то слишком спокойное для юноши его лет.

Иногда, во время вечерних бесед за чаем, Мастер вдруг обрывал фразу на полуслове и смотрел на него так, будто прислушивался не к его словам, а к чему-то за спиной, над плечом, чуть выше головы.

Потом морщился, будто прогоняя надоедливую мысль, и переводил разговор на простые темы: погода, урожай, состояние деревни.

Герой чувствовал: вокруг него существует ещё один слой реальности, о котором все знают больше, чем говорят.

Старики, которые вдруг замолкали, завидев его.

Мать, которая когда-то приютила его в своём доме, прежде чем Мастер забрал к себе, и которая порой гладили его по волосам с какой-то особой грустью – словно заранее прощаясь.

Даже дети, которые то задирали его, то искали его общества, будто не могли решить, бояться или тянуться.

В глухой деревне на краю Империи жизнь текла, как мутная вода: медленно, по знакомым руслам.

Но под этой водой всё явственнее ощущался другой, невидимый поток.

И чем старше становился ученик, тем очевиднее становилось: когда-нибудь эти два течения столкнутся, и тогда маленькая деревня перестанет быть безопасным, забытым местом.

Мастер, глядя из окна на тренировочную площадку, где юноша отрабатывал связки, понимал это лучше всех.

Иногда ему казалось, что он слышит, как неведомые силы, давно потерявшие терпение, шепчутся где-то вдали, ожидая момента, когда можно будет протянуть к ученику свои невидимые руки.

– Ты слишком быстро растёшь, – сказал он однажды, когда герой, переведя дыхание, поймал на себе этот тяжёлый взгляд.

– Значит, я хорошо учусь, – попытался улыбнуться тот.

– Ты не понимаешь, – покачал головой Мастер. – Хорошо учишься – это когда идёшь дальше других по знакомой дороге.

Он сделал паузу, всматриваясь ему в лицо.

– А ты идёшь по дороге, которую уже проходил. Просто не помнишь этого.

Герой хотел возразить, но слова застряли в горле.

Вместо ответа он снова принял стойку, поднял руки.

Движение, начинавшееся в ступнях и заканчивавшееся в кулаке, на миг показалось ему до боли знакомым – не из этого тела, не из этих дней.

Где-то глубоко внутри, там, где хранились обрывки снов о каменном зале и фигуре из воды, шевельнулось предчувствие.

Мир, который он знал, был слишком тесен для этого ощущения, как рубаха, из которой ребёнок вырос, но продолжает носить по привычке.

Глухая деревня на окраине Империи ещё спала своим сонным, крестьянским сном.

Но небо над ней уже начинало темнеть не только от наступающей ночи – менялась сама ткань тишины.

И ученик, который с каждым днём всё лучше слышал дыхание мира, не мог этого не чувствовать.

Ночь пришла не с неба – она поднялась из земли.

Сначала погасли самые дальние огни у окраины, потом ветер принёс запах, который не обещал ни дождя, ни снега: острый, тяжёлый, с металлической горечью дыма и горелого масла.

Герой делал очередную связку на площадке, когда воздух дрогнул, будто кто-то невидимый тронул его за плечо.

Движение сорвалось; кулак, не долетев до условной цели, замер в воздухе.

– Не останавливайся, – голос Мастера прозвучал жёстче обычного. – Мир не ждёт, пока ты дослушаешь свои предчувствия.

Но предчувствие не отступало.

Где-то за холмом глухо ухнуло, как если бы огромный барабан ударили в самый центр ночи.

Звук был неестественный для этих мест: ни гром, ни треск дерева, ни падение камня – в нём было что-то слишком ровное и выверенное, чтобы быть случайностью.

Герой почувствовал, как по коже побежали мурашки.

– Это не гроза, – произнёс он вслух, сам удивившись уверенности в собственном голосе.

Мастер уже смотрел не на него, а в сторону деревни.

Лицо, обычно собранное и спокойное, на миг стало абсолютно неподвижным, как маска.

– В дом, – коротко сказал он. – Быстро.

Герой машинально ступил в сторону, но не с места – внутренняя пружина, натянутая тренировками, не позволяла ему просто развернуться и уйти, не задав вопрос:

– Что это?

– Ответ, – бросил Мастер. – За тем, чего ты ещё не помнишь.

В этот момент с другой стороны холма в небо рванул столб огня.

Не прямой, как от костра, а рваный, с искрами и облаком чёрного дыма.

Огненный отблеск лёг на кроны деревьев, и деревня, ещё минуту назад тонувшая в мирной темноте, вдруг окрасилась кроваво-оранжевым.

Крик донёсся до них не сразу – сначала ветер принёс запах горелого зерна, и только потом в нём прорезался человеческий голос: высокий, надломленный, полный той особой паники, которая поднимается лишь тогда, когда человек видит не просто пожар, а разрушение своего единственного мира.

– В дом, – повторил Мастер. – Сейчас же.

Но герой уже бежал к воротам, в сторону площади.

Ноги сами нашли дорогу, тренировочная площадка мелькнула сбоку, забор остался позади.

Позади, но не безмолвным.

Рука Мастера легла ему на плечо – не грубо, но так, что шаг оборвался, будто он врезался в каменную стену.

– Ты не пойдёшь туда один, – сказал Мастер. – Не сейчас.

Глаза героя вспыхнули.

– Это моя деревня.

– И моя тоже, – спокойно ответил Мастер. – И если ты погибнешь в первой же вспышке пламени, никому из нас легче не станет.

Он отпустил плечо, но взглядом не разрешал двигаться.

– Дыши, – резко бросил он. – Вдох – через нос, медленно. Выдох – ниже пупка. Собери себя, прежде чем бросаться в огонь.

Герой, сам того не замечая, послушался.

Воздух вошёл в лёгкие холодной волной, прошёл по груди и опустился в живот, где в последние месяцы он всё чаще ощущал тот самый тёплый, упругий центр – место, где собиралась его сила.

Крики становились громче.

Теперь к ним примешались ржание лошадей, звон металла, приглушённый гул, похожий на рокот барабанов или шаги многих ног.

– Они пришли не за деревней, – тихо сказал Мастер, словно констатируя уже известный ему факт. – Они пришли за мной. И за тобой.

Герой обернулся.

– Кто «они»?

Мастер помолчал, и это молчание оказалось страшнее любого ответа.

– Те, кому выгодно, чтобы ты никогда не узнал, кто ты есть, – произнёс он наконец. – А мне – чтобы я не успел тебе это сказать.

Он чуть приподнял подбородок, взгляд стал острым, как лезвие ножа.

– Мы всё равно пойдём туда. Но не как загнанный скот. Как воины.

Он сделал шаг к воротам, и герой увидел – впервые ясно – как двигается его учитель, когда перестаёт притворяться стариком из захолустья.

Каждый шаг был точен, центр тяжести – низким, но подвижным, спина – прямой, как ствол южного дерева, руки – чуть отведены от тела, готовые в любой момент стать как щитом, так и оружием.

Герой последовал за ним.

Первые тела они увидели у колодца.

Мужчина, который каждое утро спорил с тёткой Лян о цене рыбы, лежал лицом вниз в пыли, рука вытянута к опрокинутому ведру.

Вода растеклась тёмным пятном, смешавшись с кровью.

Над ним висела странная тишина: даже в огне всегда есть треск, в крике – разрывы, а здесь всё застыло в одну неестественную, вязкую паузу.

– Не смотри, – бросил Мастер, но было поздно: взгляд уже сохранил эту картину.

Площадь кипела огнём.

Несколько домов полыхали открытым пламенем, от других шёл густой дым; огонь не шёл, как обычно, от очага или случайной искры – он лежал тяжёлыми, выверенными языками, как если бы его направляли.

Их встретили не сразу.

Нападавшие двигались уверенно, не метались, как обычные бандиты, которым доставляет удовольствие сам процесс разрушения.

Их одежда была тёмной, без опознавательных знаков, но по манере держаться было видно: это не крестьянская рука взяла меч впервые.

Лица скрывали маски, закрывавшие нижнюю часть – оставались только глаза.

У кого-то они были пустыми, как у фанатиков, у кого-то – холодными, приученными считать, а не чувствовать.

– Не смотреть в глаза, – коротко шепнул Мастер. – У них есть те, кто умеет цепляться взглядом.

В следующее мгновение один из нападавших заметил их.

Крик, короткое жестометание рукой – и к ним рванулось трое.

– Держи центр, – сказал Мастер. – Не геройствуй.

Он вышел вперёд.

Первый нападавший ударил сверху, грубо, с явным расчётом на подавление силой.

Мастер даже не стал блокировать – просто шагнул в сторону, пропуская удар мимо, и ладонью лёгкого, почти неуловимого движения врезал противнику в шею.

Тот рухнул так, словно у него одновременно выключили все мышцы.

Второй был осторожнее: подкрался сбоку, целясь в ученика.

Герой успел увидеть только вспышку металла и тёмную тень.

Тело двинулось само.

Рука отбросила клинок в сторону, корпус ушёл из линии удара, колено встретилось с мягким, незащищённым местом внизу живота.

Нападавший согнулся, и тогда в плечо ему врезался жёсткий, как камень, удар ладонью.

Мир сжался до дыхания, шагов, вспышек стали.

Герой не успевал думать – только ощущал, как в нём поднимается та самая тёплая волна из глубины живота, растекается по рукам и ногам, заставляя движения становиться точнее, чем на тренировке.

Он не слышал собственных выкриков, только короткие команды Мастера:

– Левее.

– Ниже стойка.

– Не гонись – жди.

Среди хаоса он вдруг заметил странную деталь: нападавшие не пытались убить его любой ценой.

Двое, уже почти дожав его к стене, внезапно сменили удары на движения, больше похожие на захваты, попытки выбить из рук оружие, скрутить.

Словно их цель – не смерть, а плен.

Это прозрение было мгновенным, но режущим.

Крик поднялся сам:

– Они хотят взять меня живым!

Мастер, обменявшись несколькими ударами с очередным противником, рванулся к нему.

– Значит, ты им важнее, чем деревня, – процедил он. – Плохая новость для деревни. И для нас.

В этот момент воздух разрезало новое звучание – не крик и не сталь.

Глухой гул, как от огромных крыльев или тяжёлой машины, пронёсся над крышами.

Герой поднял глаза.

Над деревней, низко, слишком низко для птицы, пролетел тёмный силуэт – не корабль, не повозка, а что-то среднее: корпус, вытянутый вперёд, с жесткими, как у насекомого, «крыльями», под брюхом – вспышка, и через мгновение один из дальних домов разлетелся, словно его ударили молнией.

Пламя взвилось вертикальным столбом.

– Летучая машина, – тихо сказал Мастер. – Значит, это не местные побродяги.

В его голосе не было удивления – лишь подтверждение того, чего он, похоже, и так ждал.

– Кто они? – выдохнул герой, отступая на шаг, чтобы не дать себя зажать.

Мастер коротко, почти незаметно качнул головой.

– Те, кто давно перестал отличать духов от людей, – сказал он. – И людей – от инструментов.

В одном из нападавших герой наконец заметил отличие: на поясе, среди ножен и ремней, висел металлический диск с вырезанным знаком – несколько пересекающихся линий, собранных в жёсткий, угловатый узор.

Узор неприятно резал глаз, словно в нём был заложен чужой, холодный порядок.

– Лотосы, – произнёс Мастер так, будто пробует на языке горькое слово. – Культ, который умеет делать из людей пустые сосуды.

Герой не успел спросить ничего ещё.

С задней улицы, откуда обычно приходили женщины с поля, донёсся новый крик – имя, вырванное из горла так отчаянно, что оно прорезало шум боя:

– Учитель!

Голос был слишком знаком.

Герой рванулся, не думая.

– Стой! – крик Мастера ударил по спине, но ноги уже не слушались.

Он выскочил на боковую улицу и увидел:

Несколько фигур в тёмных одеждах окружали кого-то у стены.

Мелькнули развевающиеся волосы, знакомый силуэт в полуприседе – одна из учениц Мастера, та, что всегда спорила, но никогда не пропускала тренировок.

Она держала в руках короткое копье, но движения были уже тяжёлыми: на плече расплзлось тёмное пятно крови.

Один из нападавших, стоявший чуть поодаль, не участвовал в схватке.

Его одежда отличалась: на груди – вышитый символ лотоса, чьи лепестки были вывернуты внутрь, в чёрную воронку.

Он держал руки за спиной и наблюдал, как охотник за игрой, знающий, что зверь уже загнан.

Герой бросился вперёд.

Мир сузился до одной цели – прорваться к своей.

Но чем ближе он подходил, тем гуще становился воздух, будто пространство вокруг фигур сгущалось, превращаясь в вязкую, тяжёлую пелену.

Каждое движение давалось всё труднее; удар, который обычно был быстрым, как хлест плети, расплывался, как во сне.

Герой почувствовал, как невидимые щупальца хватают его за плечи, за ступни, за мысли.

– Не смотри ему в глаза, – прозвучал в памяти голос Мастера.

Он сорвал взгляд с лица наблюдателя – слишком поздно.

На короткое мгновение их взгляды всё-таки встретились.

В чужих глазах не было ни пылающей ненависти, ни холодного расчёта.

Там была пустота, чёрное зеркало, в котором всё, что попадало внутрь, теряло свои очертания.

Герой почувствовал, как его собственные мысли словно пошли трещинами.

Контуры мира дрогнули, звуки стали глухими, будто их слышали через толщу воды.

В этот момент что-то тяжёлое врезалось ему в бок.

Тело, потеряв опору, полетело в сторону, мгновенное оцепенение разбилось о грубую реальность удара о землю.

– Я же сказал – не геройствуй, – голос Мастера вернул мир обратно.

Он стоял между героем и фигурой с лотосом на груди.

В его позе не было ни капли расслабленности, а взгляд, обычно спокойный, теперь стал острым, как край холодного клинка.

– Наконец-то, – произнёс человек с символом. – Наставник, прячущийся за спиной деревенских стен.

Голос был ровным, почти вежливым, но под этой ровностью чувствовалась странная, сухая горечь – как у человека, для которого всё вокруг давно утратило вкус.

– Ты приехал слишком далеко, чтобы просто болтать, – ответил Мастер.

– Приказ – забрать тебя живым, – мужчина чуть наклонил голову. – Но если ты окажешься глупее, чем о тебе говорили, сомневаюсь, что Высшие сильно расстроятся.

Герой поднялся на колени, дыхание всё ещё хрипело, в боку пульсировала тупая боль.

Но сильнее боли было другое: ощущение, что мир вокруг них принял какое-то решение, и это решение было окончательным.

Бой между Мастером и незнакомцем начался без крика.

Нападавший двигался мягко, почти лениво, но в каждом его шаге чувствовалась выученная до автоматизма точность.

Его ладони описывали странные, закрученные траектории, в которых угадывалось нечто большее, чем просто удары.

Мастер отвечал иначе.

Его движения были прямыми, экономными, без лишних жестов.

Он словно вычерчивал невидимые линии в воздухе, под которые противник постоянно вынужден был подстраиваться.

Герой, ещё недавно считавший себя сильнейшим среди учеников, вдруг понял, что то, чему его учили, было лишь подготовкой к такому поединку.

Здесь не было места показным ударам или броскам – каждый шаг, каждый поворот корпуса был ставкой на жизнь.

Схватка длилась секунды или вечность – время потеряло смысл.

В какой-то момент нападавший резко изменил ритм.

Вместо очередного удара ладонью он сделал странный, скользящий жест, словно проводя линию от собственной груди к груди Мастера.

Воздух между ними дрогнул.

Герой почувствовал даже на расстоянии: что-то невидимое схватило мир за горло.

Звук огня на миг притих, крики словно ушли вглубь, и только ветер продолжал дуть, но уже не трогал одежду и волосы.

Мастер на долю секунды замер.

Этой доли хватило.

Удар, последовавший за жестом, не был сильным, но пришёлся точно в ту точку, где сходились дыхание, пульс и внимание.

Мастер отшатнулся, затем ноги его подогнулись, и он опустился на колени.

– Нет! – крик вырвался из груди героя сам.

Он рванулся вперёд, но чья-то рука схватила его за ворот и дёрнула назад.

Краем глаза он увидел тёмную фигуру, почувствовал запах дыма и кожи.

– Живой, – коротко бросил кто-то над ним. – Этот тоже. Приказ.

Герой бился, как пойманный зверь, но хватка была железной.

Он успел увидеть, как к Мастеру подошли двое, накинута на его руки и плечи странные, узкие обручи – те будто впились в ткань одежды и кожу, и Мастер перестал дёргаться, только голова чуть склонилась вперёд.

– Ученик, – произнёс он глухо, не поднимая взгляда. – Слушай.

Герой замер, больше от звука этого голоса, чем от чужой хватки.

– Не иди за мной слепо, – слова давались Мастеру тяжело, но в каждом звуке была привычная твёрдость. – Ищи не тех, кто меня забрал. Ищи тех, кто тебя потерял.

Человек с символом лотоса нахмурился.

– Хватит, – сказал он. – Уведите.

Кто-то ударил героя по затылку рукоятью оружия.

Мир рванулся в сторону, потемнел, сузился до тонкого туннеля, в конце которого ещё миг тлел свет горящей деревни.

Он очнулся от удушливого жара.

Сначала было только это: жар, обволакивающий, как мокрое одеяло, мешающее дышать.

Потом – запах.

Горелое дерево, сгоревшее мясо, кислый дым от тлеющих тряпок, гарь от масла.

Герой открыл глаза.

Небо над ним было багровым.

Не от заката – от отражения огня.

Он лежал на краю площади.

Когда попытался подняться, пальцы наткнулись на горячую, рассыпчатую золу.

Кости, оставшиеся от дома, в котором когда-то жили его приёмные родители, торчали, как обугленные пальцы.

Где-то ещё стояли огненные стены, но большинство домов уже превратилось в чёрные каркасы.

Огонь сделал своё дело тщательно: не было ни одного целого крыла, ни одной уцелевшей крыши.

Крики стихли.

Иногда доносился глухой стон или всхлип, но и они тонули в общем треске догорающего мира.

Герой поднялся на ноги.

Голова кружилась, в боку отзывалась боль, но тело, привыкшее к нагрузкам, быстро нашло равновесие.

Он сделал несколько шагов по площади.

По дороге попались знакомые вещи, потерявшие смысл: детская игрушка, обгорелый деревянный меч, которым вчера ещё махал соседский мальчишка; горшок с треснувшей стенкой; обуглившийся воротник рубахи, по узору вышивки герой узнал – принадлежавший тётке Лян.

Люди...

Он заставил себя смотреть.

Тех, кто ещё дышал, было мало.

Кто-то застрял под балками, кто-то лежал у стен, пытаясь отползти от огня.

Герой помог тем, кого мог вытащить.

Руки работали автоматически: поддеть, потянуть, перевернуть, оттащить в сторону.

Слова застряли где-то между горлом и грудью – всё, что он мог, это дышать и двигаться.

Одному старику он положил под голову свёрнутую в комок тряпку.

Тот посмотрел мутными глазами, попытался что-то сказать, но вместо слов изо рта вышло только облачко сажи.

– Мастер... – наконец хрип. – Они... увели...

– Знаю, – ответил герой. Голос сорвался, прозвучал неожиданно глухо.

– Ты... последний, – выдохнул старик. – Ты...

Фраза оборвалась.

Глаза помутнели окончательно.

«Последний», – отозвалось внутри.

Последний ученик.

Последний, кто помнит голос Мастера.

Последний, кто ещё может задать ему вопрос – когда-нибудь, если сумеет его найти.

Когда последние живые были оттащены подальше от огня, он вернулся в Дом Мастера.

Там уже почти всё сгорело.

Только часть стены ещё держалась, а внутренний двор, где они тренировались, был завален обломками.

Посреди двора, чудом уцелев, стоял одинокий предмет – тот самый каменный столб, о который они отработывали удары.

Трещины покрывали его поверхность, но он не рухнул.

Герой подошёл и положил ладонь на шершавый камень.

Под пальцами было тепло – не только от огня, но и от чего-то иного, почти живого.

Он закрыл глаза.

В памяти вспыхнули слова Мастера: «Ищи не тех, кто меня забрал. Ищи тех, кто тебя потерял».

Кто мог его потерять?

Те, кто когда-то отпустил лодчонку по реке?

Те, кто повесил на шею ребёнку амулет, от которого старух у колодца бросало в дрожь?

Или те, кто сейчас послал за ним людей с чёрными лотосами на груди?

Ответа не было.

Было только чувство – тяжёлое, как камень: точка, из которой нет дороги обратно.

Он мог бы остаться.

Пытаться восстановить деревню, помочь тем немногим, кто выжил.

Жить дальше, как живут люди: с утра – колодец, днём – поле, вечером – уцелевший очаг.

Но где-то над этим пепелищем уже летала невидимая тень – память тех, кто пришёл сюда не ради грабежа.

Они не забудут о нём.

Они вернуться, если он останется.

И ещё одно:

Если он останется, слова Мастера так и останутся словами умирающего старика на коленях врагов.

Если уйдёт – у него появится шанс узнать, кто прячется за маской лотоса и откуда в нём самом та сила, за которую пришли разрушители.

Он стоял посреди пепелища и впервые ясно почувствовал: жизнь, которую он знал, закончилась.

Не изменится – закончится.

Никаких «потом», в которых всё вернётся на круги своя.

Нет больше утренних тренировок на чистой площадке, ворчания тётки Лян, ленивых споров у колодца, снов о том, что где-то есть Империя с нефритовыми крышами.

Есть только пепел под ногами и дорога, уходящая от деревни – туда, где ответы могут оказаться страшнее, чем любые догадки.

Он снял с шеи амулет – тот самый бледный камень, который когда-то нашли на его груди.

До сих пор он почти не снимал его, воспринимая как данность, как часть себя.

Сейчас, держа амулет на ладони, он увидел в вырезанных линиях то, чего раньше не замечал: в узор был тот же холодный порядок, что и в знаке на поясе нападавшего.

Только не жёсткий, угловатый лотос, а другой символ – как будто тот же язык, но иные слова.

– Ты действительно мой долг, – прошептал он, вспоминая фразу Мастера, и впервые почувствовал, что эти слова относятся не только к учителю.

Он надел амулет обратно, поверх обгоревшей рубахи.

За спиной дымилась деревня, которую он больше никогда не увидит прежней.

Впереди лежала Империя, о которой он знал лишь по чужим рассказам.

Герой сделал первый шаг от пепелища.

Не как мальчишка из глухой деревни – как ученик, у которого отняли наставника и детство в одну ночь.

Где-то далеко, там, где небо соприкасается с землёй, уже собирались новые тучи.

Но теперь он шёл им навстречу сам.

Болота начали ещё до того, как закончилась дорога.

Сначала путь просто стал мягче: колёса редких телег оставляли в глине более глубокие следы, подошвы залипали, вода собиралась в лужах, не успевая уйти в землю. Потом трава сменилась низкими, жёсткими кустами, а деревья, казалось, выросли прямо из воды.

После ночи пепла герой шёл молча.

Он не оборачивался – не потому, что был готов забыть, а потому, что боялся: если позволит себе ещё раз увидеть клубы дыма над прежней жизнью, ноги перестанут идти вперёд.

Амулет на груди, казалось, стал тяжелее.

Иногда он чувствовал, как под пальцами камень чуть теплеет, будто от внутреннего дыхания. Но стоило прислушаться – ощущение исчезало, оставляя просто холодный, гладкий узор.

Глава 7. Болото и бродяга

Болото встретило его туманом и мошкаррой.

Воздух был густым, липким; каждое дыхание давалось словно через влажную ткань. Вода не выглядела глубокой, но стоило ступить в сторону от более-менее твёрдой тропы, как нога уходила почти по колено в вязкую жижу.

Сначала герой пытался идти быстро, как по обычной дороге.

Через час понял: болото не любит спешащих. Каждый резкий шаг отзывался в теле тянущей усталостью, а болото, казалось, хватало за ступни, за голени, за мысли.

Он замедлил шаг.

Вспомнил уроки Мастера: «Не борись с землёй, на которой стоишь. Слушай её ритм».

Сделал вдох – медленный, до самого низа живота – и позволил телу подстроиться под неровный, вязкий ритм болота.

Шаг – перенос веса – короткая пауза, чтобы почувствовать, как откликается грунт.

Ещё шаг.

Постепенно путь стал не легче, но понятнее.

Где-то слева хрипло квакнула невидимая тварь, справа всплеснула вода, будто кто-то большой и тяжёлый ушёл под поверхность.

Герой держал руку ближе к рукояти меча, но не выдёргивал его без нужды: деревья здесь были слишком похожи на чьи-то согбенные фигуры, а туман – на дыхание тех, кто давно не живёт.

– Плохое место, чтобы идти одному, – вдруг раздался голос.

Он прозвучал так близко, что герой инстинктивно шагнул в сторону, проваливаясь почти по пояс в трясину.

Влажная грязь сразу облепила ноги, холодная жижа потянула вниз.

– Не дёргайся, – тот же голос, уже чуть насмешливый. – Чем сильнее рвёшься, тем быстрее болото тебя съест.

Рядом на тонкий, но крепкий корень оперлась фигура.

Мужчина, на вид лет тридцати, в поношенном плаще, перехваченном ремнём. Меч за спиной, не слишком ухоженный, но явно часто использованный. Лицо обветренное, глаза прищурены не только от тумана, но и от привычки постоянно всматриваться вдаль.

Он протянул герою длинный шест.

– Лови. Только не хватайся, как утопающий за собственный страх. Спокойно.

Герой вцепился в шест, но попытался не дёргать, а, напротив, дать телу опору.

Мужчина потянул ровно, без рывков, и через несколько тяжёлых вдохов герой оказался на более-менее твёрдом участке.

– Болота не любят грубость, – сказал незнакомец. – Но и уважать надо уметь.

Герой выпрямился, отряхивая грязь с одежды.

– Благодарю, – коротко произнёс он.

– Благодари, благодарь, – махнул рукой мужчина. – Всё равно долг ты уже записал. Болото любит, когда здесь что-то записывают. В основном – тела.

Он хмыкнул, словно оценив собственную шутку.

– Куда идёшь, ученик?

Слово «ученик» резануло по слуху.

– В столицу, – после паузы ответил герой.

– Так. – Мужчина кивнул, будто сверяясь с какой-то собственной картой. – Значит, через болота, потом горы, потом портовый город. Долгий путь для того, кто чуть не оставил тут свои ботинки.

Он прищурился, оглядывая героя внимательнее.

– Но двигаешься ты правильно. Не как крестьянин с палкой. Мастер у тебя был толковый.

– Был, – сухо сказал герой.

Молчание на миг загустело, как болотный туман.

– Я Чжоу, – представился незнакомец. – Некоторые зовут меня бродягой, некоторые – наёмником. Мне всё равно, пока платят или не лезут с глупыми приказами.

– ...Я... – герой запнулся. Впервые за долгое время он понял, что его собственное имя звучит странно пусто, как кличка из другой жизни, оставшейся под пеплом.

– Можешь пока не называть, – легко отмахнулся Чжоу. – Имя – это то, чем мир цепляет тебя за шиворот. Если шиворот пока болит, ходи без него.

Они двинулись дальше вместе.

Чжоу шёл уверенно, будто знал, где грунт держит лучше, а где скрыта яма.

Иногда он останавливался, кидал вперёд маленький камешек или просто прислушивался к тому, как шелестит камыш.

– Болото говорит, – пояснил он на вопросительный взгляд героя. – Только не всем. Но если тут пройти раз десять, начинаешь понимать, где оно шепчет, а где рычит.

По пути им несколько раз попадались странные знаки: поваленный ствол, на котором кто-то ножом вырезал символ – круг с тремя расходящимися линиями; связка костей, подвешенная над тропой; маленькие глиняные фигурки, наполовину утонувшие в грязи.

– Духи, – пояснил Чжоу. – Или люди, которые хотят, чтобы духи о них помнили. В этих местах всё одно в другое перетекает.

Герой невольно коснулся амулета под одеждой.

Камень на миг ощутимо потеплел – или это показалось от его собственных мыслей.

– Не люблю, когда по болотам ходят люди с такими штуками, – заметил Чжоу, даже не глядя в его сторону. – Болото ревниво. Если уже есть кто-то, кто держит тебя за горло, оно старается не вмешиваться.

– Ты много знаешь про такие вещи, – произнёс герой.

– Достаточно, чтобы остаться живым, – пожал плечами Чжоу. – И чтобы не задавать лишних вопросов первым встречным.

Он на миг задержал взгляд на ученике, и в этом взгляде было не только любопытство, но и осторожность.

– Но одно знаю точно: люди с такими камнями редко идут в столицу просто так.

Герой промолчал.

Чжоу не настаивал.

К вечеру они вышли из самых тяжёлых трясин.

Туман начал рассеиваться, появились первые сухие кочки, а за ними – пологие склоны, ведущие к цепи холмов.

– Дальше будут горы, – сказал Чжоу. – Там болото уже не держит за ноги. Там тебя держит только твой страх высоты и собственная усталость.

Он усмехнулся.

– Там ты поймёшь, насколько твой Мастер ценил твои лёгкие.

Глава 8. Монастырь на перевале

Горы встретили их камнем и ветром.

После тяжёлого, вязкого воздуха болот холодный, резкий поток с перевала казался почти благословением, пока не начал пробираться под одежду, царапая кожу ледяными когтями.

Тропа поднималась всё выше.

Деревья редели, камни становились крупнее, и вскоре путь превратился в тесную, выбитую в склоне змейку, где одному человеку в ширину было уже много.

– Здесь любят падать те, кто слишком уверенно ступал по ровной земле, – заметил Чжоу, глядя вниз, где в синеву тумана уходила пропасть.

– Я не собираюсь падать, – ответил герой.

– Никто не собирается, – хмыкнул Чжоу. – Просто некоторые забывают, что у земли тут новый характер.

На одном из перевалов, когда тропа наконец выровнялась, они увидели его: монастырь.

Он не был величественным дворцом с позолоченными крышами – скорее, скоплением крепких каменных зданий, прилепившихся к скале, как гнёзда ласточек.

Крыши – тёмная черепица, стены – светлый камень, на воротах – вырезанный символ круга, перечёркнутого вертикальной линией.

– Монастырь Дыхания Камня, – сказал Чжоу. – Место, где учат слушать гору.

– Ты был здесь?

– Бывал. Не как ученик, как наёмный меч. Они иногда просят провести караваны через перевал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.